

Автопортрет на фоне ледохода

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Конец марта, на реке, что под горушкой опоясывает Заречье, ледоход в самом разгаре. Вся мамина деревня от мала до велика на горе: так виднее. Лыдины, сшибаясь, встают торчком, трещат, скрежещут. Мужики спускаются на берег, в руках у них треугольные сачки на длинных шестах. Шагают у самой ледовой кромки. В полынье зачерпывают сачком воду. Шест пружинит, сачок взлетает над головами. Веером летят искры водяных капель. В сетке бьется большущая серебряная рыбина.

ВИД С ГОРЫ

Дня три кряду все Заречье выходило «на ледоход», до чистой воды. Будто за надеждой на новую счастливую жизнь шли: война только что кончилась. Валерий Теплов, наверное, с детства все пишет в мыслях тот пейзаж с ледоходом.

Напишет ли на холсте? Теперь еще и с сыном Максимом пришлось бы потягаться. Со временем серьезный. В родительской пошел, тоже воспитанник Строгановки, «домашней академии» Тепловых.

Как-то недавно все втроем ездили по весне на этюды. В Брагине завернули к волжскому берегу на красивые звоны Толгского монастыря.

Пика ледохода они не застали, по тихой воде проплывали, будто скользят по гляци, редкие длинные серо-бурые льдины. Все трое написали по этюду. Самым проникновенным и тонким по колориту признали на семейном худсовете пейзаж Теплова-младшего: белый красавец храм, розовые перья облачков среди льдин. Березы на переднем плане — стволы искривлены жестоко-сердной прихотью стихий.

Старшего Теплова та память о далеких и бурных деньках в Заречье научила смотреть на себя и собственную судьбу из детства. Оттуда как-то все виднее, потому что — с горы.

ГВОЗДЬ

Вот отец, тульский оружейник, выпускник бронетанковой академии имени Фрунзе, вечный скиталец по военным городкам, забывает дома гвоздь. Лишнего груза при переездах Тепловы избегают, молотком обзавестись опять не успели. Гвоздь вколачивается гирей от маятника настенных часов.

Пальцы на всякий случай обвязаны носовым платком. И неспроста: забивать круглой гирей несподручно, она иногда попадает по ногтю, и тогда незадачливый забивальщик в сердцах привычно обращается к небесам: «О, Господи Боже мой!»

Ничего иного в таких случаях от него никто не слышал. Василий Теплов не пил, не курил и не сквернословил. Мама в нем говорила: «Мухи не обидит».

Кроме звонкого тенора, в этице от изящных искусств не наблюдалось ничего. Все же творческие гены у Тепловых, как и с Валерием отыскали. По семейной молве, хорошим художником слыл родной брат отца — Федор. Но пообщаться с ним племяннику не пришлось: в 1941 году погиб в ленинградской блокаде.

Война всех уравнила: и физиков, и лириков. Василий Теплов на фронте ремонтировал подбитые танки. Цепляли их крюками на поле боя — и в

мастерскую. Частенько все происходило на виду у немцев, под обстрелом. Отец был ранен, контужен. В госпиталах его ставили на ноги, и он как ни в чем не бывало продолжал чинить танки, пока те не достигли фашистского логова. Домой вернулся он живой и веселый.

Сын думает, что лирика в нем самом — наследие главным образом отцовское. Остальное же — упорный нрав, крепкая хватка — от матушки.

Она из семьи орловских крестьян-середняков Старостиных. Их дом в Заречье строили из кирпича, но на нормальную крышу так и не накопили — настелили солому.

В самые лихие времена мама тайком собирала на полях мороженую картошку, пекла из нее потрясающее лакомство — несказанного изумрудного цвета оладьи, «кавардашки». Но корову-кормилицу не продава-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

цев в Суворовское училище. Вывела их в жизнь — Валерий за это ручается — людьми, знающими не из книг, что такое честь и что такое долг.

В подмосковном Бирюлево-товарном они жили тогда в ош-

собственная квартира. Новосела Василия Теплова приняли на ЯМЗ на должность заместителя военпреда. Тогда на моторном выпускали знаменитые семитонки с медведем на капоте.

Тот медведь избавил Валерия от последних детских страхов. Их дом в Заречье стоял на самом краю деревни, возле большой дороги. По ней день и ночь, натужно рыча, поднимались от моста в гору грузовики. Любопытство пересиливало, Валерий выходил из дома, храбро выглядывая из-за угла. Грохочущая машина приближалась, и он, жмурясь от шума и пыли, от греха подальше задвигался за стенку. Сейчас расскажи кому, что такой тертый автомобилист, как Валерий Теплов, боялся в детстве машин, люди долго смеяться будут.

БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Со студенческих лет любит Теплов неторные дорожки. В конце 60-х они с женой Лидой были в Ярославле первыми дизайнерами — в те времена, когда за одно только слово «дизайн» ты мог получить по шапке. Вместе с ярославским кузнецом Владимиром Ковалевым стали заказателями мод в «легке» пространственной скульптуры из листового железа.

Лучшее из тех времен сегодня неплохо смотрится: занавес, рельефы, чеканки в зале и вестибюле Дворца пионеров в Брагине — дипломная работа Валерия в Строгановке, ажурная и очень стильная металлопластика — клоуны на игровой площадке около кинотеатра «Аврора», фонтан из нержавеющей стали у «Волги», декоративные конструкции таксофонов в «Старом городе».

Теплов и в советские-то времена не дождался, когда ему заказ принесут на тарелочке с голубой каемочкой. В рыночной экономике, когда понятие «социальный заказ» то ли еще живо, то ли приказало долго жить, когда все больше частных кинотеатров, библиотеки нищие, а дворцы культуры пустующие, дизайнеру тем паче приходится быть добытчиком.

Спасение от жадности, по Теплову, у мастера есть только одно: профессиональная этика. Не имеет права отбивать хлеб у сотоварища по ремеслу.

АСТАФЬЕВ ПОДСКАЗАЛ

Голос у Валерия, как он предполагает сам, от отца. Тот любил удивить домашних, встав в позу и протянув с придыханием на ломаном русском: «Ви — роза!» Так, сравнивая Татьяну Ларину с розой, в опере «Евгений Онегин» поздравлял именинницу француз-гувернер месье Трике. А играть на гитаре научила Валерия матушка. Показала три аккорда и образец для исполнения: «В глубоком ущелье Дарьяла» на лермонтовские стихи.

С тех пор коронный репертуар Валерия Теплова — русские песни и старинные романсы. Особую службу сослужила подруга-гитара, когда в общезнании Строгановки познакомился он с девушкой Лидой. Вылитая польская кинозвезда Пола Ракса: залихватская челка, стрижка каре, бездонные зеленые глаза. Так и замер на пороге комнаты в своих самодельных джинсах из палаточной ткани.

В растерянности не нашел ничего лучшего, как продекларировать похвальный на язык банальный комплимент из какого-то фильма:

— Мадам, если бы я знал, что встречу такие глаза, то принес бы цветы.

Гитара потом пригодилась, и цветы принес чуть позже. Принесил потом много раз. И любимые Лидины подсолнухи здесь в мастерской написаны в ее честь.

Пока хозяин по нашей просьбе настраивает инструмент, слушаем его преамбулу в прозе. Недавно смотрел телефильм о том, как артист Жженов приехал в гости к писателю Астафьеву, и они там за стопкой разговаривали о том, о сем. Виктор Петрович вынул письмо со стихами одного фронтовика, прочел: «Ты не пой, не свящи надо мной, соловей, про ненастные дни светлой жизни моей». Писатель

произнес перед камерой целый монолог о том, что такое первородная русская речь. Пояснил примером, когда слово «свящи» пишется с буквой «я».

Передача Валерия так задела за живое, что он встал пораньше и за один мах придумал текст и музыку нового романа. Взял у Астафьева только первую строчку, остальное досочинил от себя: «Было время, и я и певал, и свистал, да от жизни такой очень сильно устал».

НАТЮРМОРТ СО СТАРЫМ СУНДУКОМ

После всех передряг середины 90-х, нашим читателям известных, больше нет у Валерия Васильевича в любимом творческом союзе председателя забот и обязательств. Заслуженный художник России с утра до вечера не выпускает из рук кисть. Точнее, мастихин — лопатку для смешивания красок — мазок, говорит, получается плотнее, фактурнее и прозрачнее.

Первые в жизни рисунки Валерий делал, как учили, в тетрадке по арифметике. Скопировал по клеточкам товарища Сталина и поэта Лермонтова. Давно никаких «клеточек» в искусстве не признает: что в дизайне, что в живописи. Пишет как душа попросит: «пышное природы увяданье», подсолнухи с огорода или любимые пионы, хвалит их: «Гордый цветок!» На одном из натюрмортов — букет из махровых роз на роляе. Писал в квартире пианистки Недды Аязян.

На самом видном месте в мастерской картины из серии «Родное и близкое». Не далее, как в прошлом году, получил за нее премию Центрального федерального округа. Сюжет: старый сундук, окованный железом, медный чайник с лебединым носочком и патиной на боках, выданные виды угольной утюг, короб для зерна, большой совок для муки.

За натурой никуда ездить Теплову не приходится. Собранная в деревне по брошенным измам утварь всегда у него под рукой.

Поднимает на свет чайник: — Живое! От всего веет мастерством и любовью.

На диване к спинке прислонен лист картона с каким-то довольно сложным детским рисунком. Его надо долго разглядывать, чтобы понять, что с чем едят. Рисовал шестилетний внук Тимофей. Получил от деда лист картона, зеленый фломастер и такое наставление:

— Это, друг мой, мастерская, тут никто без дела не сидит. Нарисуй-ка что-нибудь.

Тимофей отнесся с заданием более чем серьезно. Пыхтел, что-то бормотал себе под нос. Изобразил белые горные вершины, пальмы в долине, какие-то ограды из булыжника и много чего еще вечнозеленого. На вышке замер часовая, нас охраняет. Остаются только гадать, откуда Тимофей знает, что в молодости дед служил пограничником.

Юлиан НАДЕЖДИН.

Лауреата областной премии им. Опекушина, дипломанта Академии художеств 2003 года Валерия Васильевича Теплова поздравляем с 65-летием!

Валерий Теплов — самый старший, он в центре снимка.

ли до последнего. Родители потом вспоминали: деревянными ложками мальчишки хлебали землянику с молоком, тем и спаслись от дистрофии.

Когда после войны отец попробовал перейти на гражданку, где-то слесарил за гроши, им впятером было не прокормиться. Тогда мама Нина решила на маршалский маневр. Взяла за руки подростков-сыновей Мишку и Сашку, повезла их в Москву. Невестка как определила своих гвардей-

тукатуренной сараюхе с наспех сложенной печкой, ели одну картошку. В 50-е годы отец вернулся в армию. И они переехали в Бронницы в офицерскую коммуналку. Однажды к их крыльцу подъехал шикарный «студебеккер». Из кабинки выскочил отец в новеньком кителе с капитанскими погонами и скомандовал:

— Собираемся, в Ярославль едем.

Тогда у них на «пятерке» появилась первая в жизни